

мечь и неунятную свою саблю, и ты бы, неверный, от того дни свое неверное державство оставил, укрылся в горы каменные; и аз бы еще послал к тебе атамана своего, и дал бы им своя казны оброк к тебе везти пушки, скорострельные пищали, и ты бы от того оброку и тамо не укрылся бы; да еще с тобою справишься — велел тебя жива перед собою поставить...“ (449).

Эти угрозы и насмешки и общим своим тоном и отдельными мотивами напоминают казачьи угрозы по адресу султана в повести об Азове. Ср., например: „Не укрылся бы вашь Обрагим турской царь от руки ево государевы и от жестосердия людей ево государевых и во утробе матери своей, и уды ея распороли да перед лицом ево царевым поставили“ (Б, 139);¹ или „и поставили бы его перед нашим великим государем царем, аки пса смердящего, жива“ (Р, 190).

В ответ на эту грамоту следует „Послание турского царя Салтана..., а в послании пишет“ (ср. с канцелярской формулой нашей повести — „а в росписи пишет“, 129). „Салтан“ не остается в долгу и, обращаясь к „изрядному ратаю и плужному поганятелю Белому Ивану“ (т. е. Ивану Грозному), заявляет: „мечь мой устроится на тя с великою яростью“ (451) и проч.

Ответное царское „супротивно послание“ (№ 3) в основном повторяет первую грамоту.

После этих якобы старинных документов составитель обращается к современности и „воспроизводит“ дипломатическую переписку участников турецкой войны. Переписка открывается „списком з грамоты“ турецкого царя „римскому цесарю Леопалдусу“ (№ 4). „Магамет сын прехвальныя славы... сын божий“ в составе своего необыкновенно пышного титула не забывает упомянуть и о том, что он „земнаго рая страж и хранитель гроба господня“ (453) — ср. в речи турецких послов повести об Азове: „Толко лише он повинен единому богу небесному, и един он страж гробу божию“ (Б, 133). Далее „султан“ совсем в казачьем духе советует „цесарю“ не надеяться „на некоторыя свои городки“ и обещает их „в конец разорити“ — ср. в Поэтической повести: „и надежда у нас... на свою братю... которые у нас по Дону в городках живут“ (136). „Сверх того“ „султан“ обещает передать священников „псом на снедение и сосцы женския урезывати совершенно“, чтобы оставить „в государстве твоём токмо вечную память страха“ (453).

Ответная „грамота“ „Леопалдуса“ (№ 5) отличается аналогичным тоном и, между прочим, не без остроумия парирует особенно чувствительный для христиан полемический выпад „султана“ о том, что именно он является хранителем „гроба господня“ „Глупче, стражь будто гроба Христа моего пишешися и вменяешися, обаче да не хвалишися тем гоняся, всем бо добре псом бо вверяется, да стерегут двор царев и двери государей; они же мещут им по частице хлеба. Того ради и мы тебя имеем и пребываеши даже до нынешняго времени в страже“ (454).

¹ Здесь и далее цит. по указ. изданию А. С. Орлова, в скобках помещаем обозначение списка повести и страниц издания.